
О РЕАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА «СОКРОВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК»

О.Ю. Алейников

Кафедра русской литературы XX века
Воронежский государственный университет

В последние годы изучение историко-биографических текстов творчества Андрея Платонова является актуальным направлением научных исследований. Известно, что Платонов нередко мифологизировал факты своей биографии, а также известные ему исторические события. В данной работе многие аспекты этой проблематики получают новое освещение.

Ключевые слова: мифологизация, биография, проблематика, художественный текст, проза Платонова.

Сохранился экземпляр изданной в 1928 г. книги «Сокровенный человек» с шутивным автографом «Дорогой супруге от Ф. Пухова. Похаринск, 8/V 1927». Обыгрывая таким образом год завершения работы над произведением, а также известный автобиографизм повествования, А. Платонов одновременно подчеркивал и его достаточно условный характер: вымышленное название города, «просроченная» дата автографа указывали на это.

В авторском примечании к повести (ред. 1928 г.) обозначена более точная географическая «прародина» изображенных событий: «Сочинением этого рассказа я обязан своему товарищу по работе в Воронежских железнодорожных мастерских Ф.Е. Пухову (где он сейчас — не знаю, но жив) и тов. Тольскому, комиссару Новороссийского десанта в тыл Врангеля. Они являются почти настоящими авторами этого справедливого сочинения» [1. С. 3].

Формально повесть «Сокровенный человек» приурочена к десятилетию октябрьской революции, но уже в выборе фабулы писатель явно «противопоставит свою позицию советской литературе, где в это время царит и властвует поэтизация побед в гражданской войне» [2. С. 649].

Сюжетно-фабульные решения в этом произведении охватывают не всегда удачные эпизоды «большевистской войны», позволяя читателю осознать, насколько велики различия между подлинной и надуманной историей Гражданской войны, какова истинная цена принесенных жертв и одержанных побед на драматическом изломе национальной жизни.

Основу первого эпизода, относящегося к 1918 г., составляют реальные события. Зима, пришедшая в Центральную Россию в первый пореволюционный год, запомнилась современникам А. Платонова жестокими холодами, снежными бурями, гигантскими сугробами и заносами. На состоявшемся в 1927 г. в Воронеже «вечере красных партизан, красногвардейцев и краснознаменцев» [3] о разбушевавшейся вьюге вспоминали как о важной особенности сложившейся прифронтовой обстановки. Ср., например: «В конце 18 года были обратно заняты Лиски. В это время была ужасная пурга, 18 дней дуло» [3. Л. 60].

Писатель воссоздает многие сходные приметы: небывало сильную бурю, снежные завалы, двадцатиградусный мороз, казачьи разъезды, неудачные попытки белых офицеров мобилизовать рабочих-железнодорожников. Не забыт и снегоочиститель «системы инженера Э. Бурковского» — это устройство наряду с другими действительно применялось на путях Юго-Восточной железной дороги.

Характеристика той же техники, что и в платоновской повести, приводится в статье некоего К. Жилинского: «Снегоочистители этого типа представляют собой особый вагон, снабженный впереди массивным железным плугом, который, по желанию лица, им управляющего, может быть поднят или опущен... Снегоочистителей такого рода существует несколько типов; лучшими из них следует считать снегоочиститель системы инж. Бурковского (русское изобретение) и снегоочиститель финляндского типа „Бьерке“» [4. С. 54].

В повести «Сокровенный человек» А. Платонов демонстрирует хорошее знание особенностей работы этого «русского изобретения», но Пухову важен и сам инженер Бурковский, предпочтительны мысли о России изобретателей и механиков, а не «угодников революции».

В изображении событий зимы 1918 г. писатель не склонен буквально следовать рецептам сторонников «литературы факта», исключавших какой-либо художественный вымысел, в том числе авторские вольности при «вклинении в текст документа». В частности, обратим внимание на приказ о расчистке снега с правого пути «от Козлова до Лисок», стилизованный А. Платоновым под документ революционной эпохи.

Фамилии Рудин, Дубанин, которыми подписан этот «текст в тексте», выбраны не случайно. В реальной жизни не Рудин, а Родин возглавлял революционный комитет ЮВЖД, не Дубанин, а Дубинин являлся ее политическим комиссаром. (Без имен и отчеств фамилии большевистских руководителей воспроизведены и в неопубликованных воспоминаниях одного из сотрудников железной дороги тех лет. Ср.: «В это время предом дорревкома был т. Родин, я был его заместителем, а комиссаром дороги был Дубинин» [5; л. 8]. Здесь и далее в тексте воспоминаний инициалы отсутствуют в том случае, если должностной статус упомянутых лиц в свое время был достаточно высок, а фамилии общеизвестны).

Но именно эти фамилии приведены в повести с незначительными изменениями, точнее, переданы таким образом, каким их мог запомнить участник событий: приблизительно, на слух, с заменой одной гласной на другую.

Такого рода фактические «погрешности» передают особенности реализации авторского замысла и задают определенный ракурс интерпретации (и восприятия) изображенных событий. Ход Гражданской войны и — в конечном счете — ход истории оказываются в зависимости не от присланного начальством приказа, подписи под которым всего лишь условность, и не от того обстоятельства, что на путях находится «боевой поезд Троцкого», затем попавший в снежный затор, а от того, сумеют ли такие, как Пухов, механики, машинисты, кочегары и слесари, перешедшие на «самодельный», грубый, обнажающий подлинные чувства язык, победить противостоящие им социальные и природные силы.

Такие разные явления, например, как снежная буря и гражданская война, в художественном мире повести часто уравнены закрепленными за ними характеристиками. В «звуковом» ряду, сопровождающем начало действия, скрежет железа, сорванного ветром с крыши вокзала, перемежается с далеким артиллерийским залпом. Пухов различает в окружающей враждебной стихии «гром бури, злобу холода и пальбу сухого снега» [2. С. 104].

Скептическое отношение к «вождям», под звуки маршей прибывающим и убывающим по путям, расчищенным от снежных завалов, скептическая оценка «технически» мыслящими персонажами истинной роли «главных командиров» гражданской войны отчетливо дают о себе знать и в изображении привокзального митинга:

«Военный начальник взошел на трибуну — и тут ему все захлопали, не зная его фамилии. Но начальник оказался строгим человеком и сразу отрубил:

— Товарищи и граждане! На первый раз я прощаю, но заявляю, чтобы впредь подобных демонстраций не повторялось! Здесь не цирк, и я не клоун — хлопать в ладоши тут не по существу!

Народ сразу примолк и умильно уставился на оратора — особенно мешочники: может, дескать, лицо запомнит и посадит на поезд.

Но начальник, разъяснив, что буржуазия целиком и полностью — сволочь, уехал, не запомнив ни одного умильного лица» [2. С. 112].

Возносясь над «толпой», герой-начальник на митинге красноармейцев, железнодорожников и «жадных до образования мужиков» требует не считать его выступление цирковой клоунадой, обнаруживая тем самым свою внутреннюю зависимость от комического образа.

Реально-историческая основа воссозданных в повести событий позволяет предположить, что источником пародийно переосмысленного ритуала встречи «главного командира» могла послужить распространенная в годы гражданской войны церемония приема вождя-героя, об особенностях поведения которого встречающие чаще всего не знают, но им известны общие «правила» встречи таких высокопоставленных персон.

Подобному ритуалу следовали и в прифронтовом Воронеже 1918—1919 годов. Приведем выписку из воспоминаний о Гражданской войне заместителя председателя ревкома ЮВЖД:

«Часа в 2 дня мы уже получили сообщение из Грязей, что идет поезд Троцкого. Конечно, мы собрались его встречать <...> был приготовлен оркестр духовой музыки, и когда подошел поезд, музыка заиграла „Интернационал“. Вышел из вагона Троцкий, приказал прекратить музыку. Мы подошли с рапортом к Троцкому, но он рапорта от нас не принял, а заявил, что будет говорить в Губкоме, и только спросил раздраженно: „Где у вас прямой провод с Москвой“. Мы его проводили на телеграф, он передал Москве, что прибыл благополучно, вышел из телеграфа, сел в поданный автомобиль и уехал в Губком, в Губком пошли и наши товарищи: Родин, Дубинин и Еськов Г.П., который был в это время секретарем дорревкома. Я же в это время организовал демонстрацию. Прибывшие товарищи с линии, вооруженные, с знаменами и революционными песнями прошли по городу, и когда мы возвратились на вокзальную площадь, то уже Троцкий с представителями города прибыл на вокзал. Мы построились на площади около трибуны, и Троцкий приветствовал вооруженных железнодорожников, после чего уехал в Москву» [5. Л. 8].

Модель поведения главного командира, прибывшего на «пустом» составе, демонстрируя при этом «революционную скромность», соединенную с желанием произвести «незабываемое» впечатление, типологически точно воспроизведена в платоновской повести. Главным объектом авторской неодобрительной оценки оказывается порожденный Гражданской войной тип отчужденного от массы «вождя», претендующего на роль героя-трибуна, но занятого почти исключительно собственной персоной.

Для реализации авторского замысла не менее важна диагностика социальных болезней, порожденных деформированным общественным сознанием. Одно из таких массовых заболеваний — создание фальшивой истории Гражданской войны, основанной на «героических» стереотипах. На лискинском вокзале, например, внутренний протест Пухова вызывают изобразительные попытки приписывать вождям революции и гражданской войны не свойственные им амплуа: архистратига Георгия, на большой иконе поражающего змея «на адовом дне», местные «художники» небрежно перемалевали по-новому, приделав Георгию голову Троцкого, а «змею-гаду» пририсовав «голову буржуя; кресты же на ризе Георгия-Победоносца зарисовали звездами, но краска была плохая — и из-под звезд виднелись опять-таки кресты» [2. С. 111].

Малоизвестный факт: в запасниках воронежского краеведческого музея сохранился плакат со сходным изображением Троцкого.

«Глупости революции» глубоко задевают Пухова, внимательно и «ревниво» следящего за ее ходом. Однако, отправившись на южный фронт, узнав, что «на свете жил хороший народ и лучшие люди не жалели себя» [2. С. 120], Фома без стеснений начинает рассказывать красноармейцам «о Троцком, которого никогда не видел», следуя распространенным пропагандистским клише: «Речистый мужчина и собою полный герой!» [2. С. 121].

«Ворчун и беспартиец», Пухов приукрашивает действительность выдуман- ным героизмом, хотя каждодневные будни красноармейцев, побеждавших «броневые автомобили с одними винтовками в руках» [2. С. 128], «были полны мужества и последней смелости» (122). В ряду сочиненных им фантазий — пароход «Герой Троцкий», берег Крыма, достигнутый Фомой вплавь; полученный в награду «Красный Георгий». И — более поздняя — «песчаный десант, разбивший белый бронепоезд с одного удара» [2. С. 164].

Мистификации Пухова обусловлены поиском «красивой» «большевистской войны», свидетелем которой ему так и не удастся стать ни в новороссийском эпизоде, ни в похаринском.

Между тем оба эпизода имеют вполне реальную событийную основу.

Как известно, подробности плохо подготовленного морского десанта Красной армии на Крымский полуостров А. Платонов мог узнать из статей «Живая легенда» и «Самураи революции», опубликованных в «Известиях Кубано-Черноморского областного комитета РКП(б)» (Л.А. Шубин первым обнаружил преемственность платоновского текста от материалов, обнародованных в этом издании). Выясняя значение указанных источников для осуществления художественного

замысла, современный исследователь приходит к выводу, что в описании безуспешного десанта красных в тыл Врангеля Платонов «не позволяет себе выдумать ни одной детали», «не занимаясь» поэтому «долговременным «научным» сбором информации по интересующему его вопросу» [6. С. 460—485].

Отдавая должное скрупулезной работе, проделанной Е. Антоновой по систематизации названных выше «прототекстов», заметим, что в изображении Новороссийска, города, символизирующего один из последних рубежей борьбы красных с белыми, А. Платонов учитывал не только печатные источники, но и воронежские реалии, относящиеся к тому же 1920 году. В названии парохода «Красный всадник», застывшего в неисправном состоянии у новороссийского причала, отражена история, памятная воронежцам по последнему году Гражданской войны. Летом 1920 г. заборы и стены домов губернского города «размалевали» молодые живописцы, решившие таким образом сражаться с разрухой. Эти «изображения необыкновенно живучими оказались: прошумел нэп, отсчет мирного времени сделались пятилетки, а на белой стене бывшей Мерчанской гимназии, где разместился музей Революции, — он все летел в яростный бой, гигантский алый всадник, созданный огненной кистью», — вспоминал Вл. Кораблинов в автобиографической повести «Азорские острова».

Красный всадник остался в памяти тех, кто пережил годы разрухи и всеобщего обнищания, знаком беды, а не геройства. Не потому ли именно это название в платоновской повести дано пароходу, не способному отправиться в плавание?

К событиям, происходившим в Воронеже, Платонов обратился и при изображении боевых действий в Похаринске. Отметим, что этот эпизод повести внутренне связан с описанием неудачного черноморского десанта красных. (В Похаринске, как и в Новороссийске, активные на первый взгляд «организационные мероприятия» предшествуют боевым действиям, но они так и не приводят к быстрому военному успеху. И в новороссийском, и в похаринском эпизодах в центре изображения — неудачный десант против белых, в первом случае предпринятый на морских судах, во втором — с помощью железнодорожного состава с песком.)

В описании вымышленного города Похаринска, уроженцем которого называет себя Пухов, просматриваются узнаваемые черты Воронежа времен Гражданской войны. «Агрономический институт и кирпичный завод», объявленные героем в поезде приметами «родины», открывались каждому, кто смотрел из окна вагона на «воронежские холмы» (только институт назывался сельскохозяйственным). Роща, за которой в повести залегла цепь железнодорожного отряда и виднелся мост через реку (туда Пухова направляет комиссар Афонин), в годы Гражданской войны, как и сейчас, называлась Березовой рощей (она дала название современному микрорайону города, а также одной из станций железной дороги).

Осенью 1919 г. Воронеж дважды подвергался атаке белогвардейской конницы и бронепоездов. С Задонского тракта бои перемещались в район СХИ и Березовой рощи, через которую вел железнодорожный путь к центральному городскому вокзалу.

Многие факты позволяют предположить, что защита Похаринска от внезапного нападения неприятеля воссоздана Платоновым, принимавшим непосредственное участие в обороне Воронежа от белогвардейцев, не только по рассказам очевидцев, но и по личным впечатлениям.

В автобиографии, в записи, датированной 5 сентября 1942 года, Платонов сообщает, что в армию он «был призван летом 1919 года — по мобилизации. И после нескольких месяцев службы в железнодорожных войсках (помощником машиниста) был переведен в ЧОН, в железнодорожный отряд рядовым стрелком (об этом <...> просил добровольно). Дважды участвовал в бою с частями генерала Шкуро под Воронежем у Сельскохозяйственного института» [7. С. 445].

О службе в части особого назначения в период боев против войск «белых генералов Мамонтова и Шкуро» А. Платонов напишет и в автобиографии в 1946 году.

«Как бы Платонов ни смотрел на свою службу в ЧОН, следует отметить, что она не оставила никаких следов в его творчестве. Работа помощником машиниста, напротив, произвела на Платонова большое впечатление», — полагает Т. Лангерак [8. С. 22].

Но накануне вражеского нападения на Похаринск именно об «отряде особого назначения», плохо понимая друг друга, говорят персонажи повести «Сокровенный человек»:

«— Да я тут в отряде особого назначения состою, — пояснил Зворычный и вздохнул, потому что думал о другом.

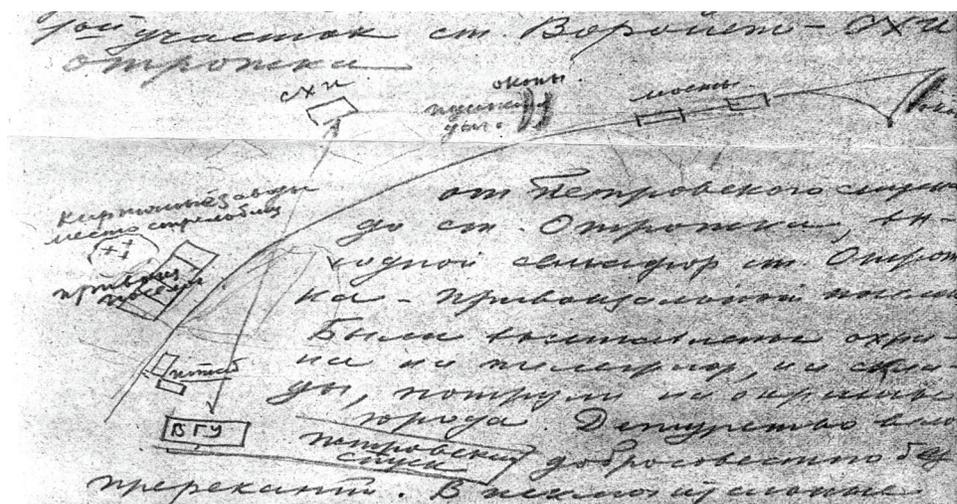
— Какого значения? — спросил Пухов. — Хлеб у мужиков ходишь, что ль, отнимать?

— Особого назначения! На случай внезапных контрреволюционных выступлений противника! — внушительно пояснил Зворычный это темное дело» [2. С. 149].

В реальном историческом измерении «ясность» в деятельности отрядов особого назначения наступит только в 1921 году, когда их статус будет определен официально. В 1919 же году каждый, кто вступал в «отряд коммунистов и им сочувствующих при Воронежском железнодорожном узле», в соответствии с пунктом 14 Устава этой организации обязан был «состоять в отряде не менее шести месяцев» [9. С. 201]. Определенные в данном документе сроки службы в целом совпадают с названным А. Платоновым в анкете Союза советских писателей [10. С. 40] временем демобилизации (январь 1920 года), если считать началом его службы июль—август 1919 года.

Сводному железнодорожному отряду, куда, согласно автобиографии писателя, он был зачислен «рядовым стрелком», в случае нападения противника отводили «первый участок обороны»: ст. Воронеж — СХИ — мост через р. Воронеж — Отрожка [11].

В одном из архивных дел сохранился схематичный рисунок этого сектора обороны, воспроизведенный по памяти одним из железнодорожников. Приводим этот рисунок в тексте статьи, так как каждая новая реалья имеет большое значение для комментирования произведений А. Платонова.

Именно на этом участке защитниками «красного Воронежа» против бронепоезда белых был направлен состав с песчаным балластом. Но, как и морской десант в тыл Врангеля, плохо спланированная операция закончилась полным провалом.

По свидетельствам, собранным воронежскими историками в 1920-е годы, события разворачивались следующим образом. В ходе боя от вокзала навстречу «бронепоезду был пущен по распоряжению командования тяжело нагруженный песком и железом состав. Однако столкновения не произошло. Летевший со скоростью 100 км в час состав сошел с рельс и свалился под откос. В 6-м часу бронепоезд противника ворвался на станцию» [11. С. 37]. Когда со стороны центрального вокзала начался обстрел защитников города, «красные бойцы долго не хотели верить, что бронепоезд неприятельский, и несколько раз посылали связь к заставе с просьбой, чтобы артиллерия прекратила огонь по своим» [15. С. 37].

Эти события, несомненно памятные Платонову по 1919 г., послужили значимой сюжетной линией повести «Сокровенный человек».

Обратимся к тексту произведения:

«Из выемки с ветром и лихою игрою колес вылетел состав без паровоза и в момент вскочил на затрепетавший под такою скоростью мост.

Афонин забыл дышать и от какого-то восторга нечаянно взмок глазами. Состав скрылся на мгновение в гуще вагонов полустанка, и сейчас же там поднялось облако песчаной пыли. Потом раздался резкий, краткий разлом стали, закончившийся раздраженным треском.

— Есть! — сказал сразу успокоившийся Афонин и побежал впереди всего отряда на полустанок <...> По мосту отряд пошел своим шагом — каждый считал белый бронепоезд разбитым и бессильным.

Отряд обошел пакгауз и тихо выбрался на чистую середину путей. На четвертом пути стоял чистый целый бронепоезд, а на главном — крошево фуража, песка и дребедень размятых, порванных вагонов» [2. С. 160].

Достоверность изображаемого Платонов подкрепляет реальными фамилиями. Афонин действительно входил в штаб Воронежского губревкома. Фамилия белогвардейского офицера Маевского, не понявшего в повести движущих сил ис-

тории, также имеет отношение к событиям 1919 года. Платоновым использована вторая половина фамилии известного белогвардейского военачальника Май-Мавевского, принимавшего участие в летне-осенней компании 1919 года, только не на воронежском, а на орловском направлении.

В тексте повести содержатся не только аллюзивные, но и прямые отсылки к географии рейдов белогвардейских конных корпусов в тыл Красной армии:

«— А чего ж мы раньше ничего не знали?

— Как не знали? Это, брат, конница — сегодня она у нас, завтра в Орле будет» [2. С. 157].

Именно Орел, через две недели после Воронежа занятый деникинскими войсками, осенью 1919 года был у всех «на слуху». Ср.:

«Мы пошли дальше, продвигаясь на Дон, когда конница Мамонтова и Шкуро подходила, забрав Тамбов и направляясь в Орел [3. Л. 17]. «Настроение в городе становилось с каждым днем все напряженнее. Распространилась масса провокационных слухов с целью дезорганизации воинских частей Укрепрайона. Одним из таких нелепых слухов был тот, что якобы Деникин, взяв Орел, находится у подступов гор. Тулы <...> Источники этих слухов тщательно разыскивались, и провокаторы несли кару по законам военного времени и в боевой обстановке — расстрелу [12. Л. 45].

Любопытно, что именно Пухов, после неудачи «песчаного десанта» подозреваемый в предательстве, выступает в роли интерпретатора подробностей обороны Похаринска. Напоминая о своей лояльности к советской власти, он всячески приуменьшает значение сил неприятеля, предпринявшего нападение на город:

«— Я Врангеля шпокал, англичан не боялся, а вы от конных наездников целый город перепугали!

— Каких наездников? — спрашивал злой и непокойный Зворычный. — Кавалерия — это тебе наездники?

— Никакой кавалерии не было! А просто — верховые бандиты! Выдумали какого-то генерала Любославского, а это атаман из Тамбовской губернии. А броневой поезд они захватили в Балашове — вот и вся музыка. Их и было-то человек пятьсот...

— А откуда же белые офицеры у них?

— Вот тебе раз — отчубучил! Так они ж теперь везде шляются — новую войну ищут! Что я их не знаю, что ль? Это люди идейные, вроде коммунистов» [2. С. 162].

Следует отметить, что мистификации Пухова совпадают в главном с официальной информацией, повсеместно распространяемой Л. Троцким в период кавалерийских рейдов деникинских генералов. Смысл директив и приказов председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора сводился к тому, чтобы объявить белоказачков трусливыми разбойниками и бандитами, стоящими вне закона. Приведем выписку из приказа Л. Троцкого «О формировании партизанских отрядов» от 4 сентября 1919 года:

«Мамонтовская конница почти безнаказанно разбойничала до сего дня потому, что у нас плохо была налажена разведка и связь... и сейчас еще разведывательные донесения местных органов заменяются нередко передачей слухов и злостных выдумок... Предупреждаю: распространение непроверенных сведений в утвердительной форме будет караться наравне со злостными сеянием паники.

В борьбе с мамонтовской конницей твердо помнить, что лучше иметь 500 решительных и самоотверженных борцов, чем 50 колеблющихся и неустойчивых (Так в тексте. — *О.А.*). Мамонтовские казаки — шкурники и трусы. Драться они не хотят... мамонтовские казаки являются простыми громилами и бандитами, их необходимо истреблять всеми путями» [13. С. 56—57].

Отождествление противника с трусливой бандой, с подачи Троцкого ставшее одним из усиленно насаждавшихся приемов большевистской пропаганды, в повести Платонова оказывается в одном ряду с нарочитыми мистификациями Пухова.

Таким образом, читателю открывается возможность видеть, что реально происходившие события могут быть радикально изменены их последующей интерпретацией. Платонов полемически обозначает приемы недобросовестного изложения истории гражданской войны, логику подмен и фальсификаций, формирующих советскую политическую мифологию.

Показательно, что в сборнике «Борьба за Воронеж», объединившем статьи и очерки, подготовленные к «20-летию освобождения Воронежа от белых банд», воронежские историки и беллетристы о неудачной попытке таранить белогвардейский бронепоезд даже не упоминают. Цель каждой работы, опубликованной в сборнике, — воссоздание «героических боев Красной Армии, а также рабочих и крестьян области с белогвардейцами» [14. С. 5]. Очевидна избирательность в отборе фактического материала, субъективность его изложения. В дальнейшем сложилась более или менее устойчивая официальная версия событий, опускающая не забытую участниками боев историю «песочного десанта». До настоящего времени последняя не учитывалась комментаторами платоновских текстов.

Внимание к реально-исторической основе повести «Сокровенный человек», обусловленное прежде всего задачами изучения источников произведения, на наш взгляд, позволяет уточнить и символические проекции текста, существенные для понимания авторского замысла.

Давно замечено, что имя главного героя повести, история его мытарств и сомнений во многом иносказательны. Образ Фомы Пухова, человека не склонного к слепой вере, вызывает в памяти читателя евангельский сюжет об апостоле Фоме. Имя Фомы Неверующего давно стало нарицательным.

На выбор этого имени героя, удостоверяющего в глазах читателя события, связанные с Воронежем, могли повлиять те же события осени 1919 года.

Как уже отмечалось выше, родной город Платонова дважды переходил в руки белых. В сентябре — лишь на сутки. Не сумев удержать переправы через р. Воронеж, белоказаки отступили. Большевистские пропагандисты заявляли, что с белыми покончено навсегда. Но вскоре, в октябре того же года, Воронеж был вновь оставлен красными — на этот раз уже более чем на две недели. Те, кто сомневались в заверениях командиров укрепрайона, могли торжествовать. И существенна символическая подробность: именно на октябрь приходится день памяти апостола Фомы — на 6 октября (по старому стилю) или на 19 октября (по новому стилю), т.е. на дни, когда город удерживался белыми. Эти обстоятельства, очевидно, могли повлиять на особенности реализации замысла повести (и на выбор нарицательного имени главного героя) уже в другую эпоху, когда вопрос о праве на со-

мнения по поводу социально-политических прогнозов властей вновь стал актуален для писателя.

В заключение отметим, что ни в одном из доступных нам прозаических произведений А. Платонов не обращается с той же настойчивостью к реальным событиям Гражданской войны, как это происходит в повести «Сокровенный человек».

Вместе с тем писатель расширяет рамки повествования, не ограничивая свой замысел буквальным воспроизведением действительно имевших место эпизодов. Он находит новый ракурс изображения, соединяющий реальные исторические и географические подробности с нарочито вымышленным местом действия.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Платонов А.* Сокровенный человек. — М., 1928.
- [2] *Корниенко Н.* Комментарии // А.П. Платонов. Взыскание погибших. — М., 1995.
- [3] ГАОПИ ВО. — Ф. 5. — Оп. 1. — Ед. хр. 820.
- [4] *Жилинский К.* Борьба со снежными заносами // Железный путь. — 1923. — № 3.
- [5] ГАОПИ ВО. — Ф. 5. — Оп. 1. — Ед. хр. 806.
- [6] *Антонова Е.* О некоторых источниках прозы А. Платонова 1926—1927 гг. // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 4. — М., 2000.
- [7] *Андрей Платонов:* Воспоминания современников: Материалы к биографии. Сборник. — М., 1994.
- [8] *Лангерак Т.* Андрей Платонов. Материалы для биографии 1899—1929 гг. — Амстердам, 1995.
- [9] Устав отряда коммунистов и им сочувствующих при Воронежском железнодорожном узле // В. Алексеев Гражданская война в ЦЧО. — Воронеж, 1930.
- [10] *Платонов А.* Технический роман. — М., 1991.
- [11] ГАОПИ ВО. — Ф. 5. — Оп. 1. — Ед. хр. 815.
- [12] ГАОПИ ВО. — Ф. 5. — Оп. 1. — Ед. хр. 798.
- [13] Цит. по: *Рымиан М.* Рейд Мамонтова. — М., 1926.
- [14] Борьба за Воронеж. Статьи и очерки к 20-летию освобождения Воронежа от белых банд. — Воронеж, 1939.
- [15] *Филитов И.Е.* На удар — ударом: Очерк борьбы за Воронеж с Мамонтовым и Шкуро. 1919. — Воронеж, 1934.

ABOUT AN IS REAL-HISTORICAL BASIS TO MOVE A. PLATONOVA «THE SECRET PERSON»

O.U. Aleynikov

Chair of the Russian literature of the XXth century
The Voronezh state university

Last years studying of history-biographic texts of creativity of Andrey Platonova is an actual direction of scientific researches. It is known that Platonov's quite often the facts of the biography, and also historical events known to it. In the given work many aspects of this problematic receive new reflection.

Key words: the biography, a problematic, the art text, prose of Platonov.